

Одна из самых распространенных градостроительных систем в европейской культуре названа именем Гипподама Милетского. Философско-религиозные смыслы, которые придавали прямоугольной сетке улиц и геометрически правильным кварталам, много раз менялись во времени. В античности эта сетка была подобием представлений древних греков и римлян о строении мироздания, в эпоху классицизма смыслы формировала философия рационализма, в начале XX века гипподамова система представлялась рациональной, функциональной и демократичной, что соответствовало философскому миропониманию этого времени. Смысл гипподамовой системы может быть раскрыт посредством метафоры плетения и архетипов щита и ткани.

Ключевые слова: Гипподам Милетский; религиозно-философские смыслы прямоугольной сетки; ткань; сеть; решетка; щит в градостроительной семантике; Genius loci. /

One of the most widespread urban planning systems in European culture is named after Hippodamus of Miletus. The philosophical and religious meanings that were attached to the rectangular grid of streets and geometrically regular neighbourhoods changed over time. In antiquity, this grid was similar to the ancient Greeks' and Romans' ideas of the structure of the universe. In the Classical era the meanings were shaped by the philosophy of rationalism. In the early twentieth century the Hippodamean system was seen as rational, functional and democratic, which corresponded to the philosophy of life of that time. The meaning of the Hippodamean system can be revealed by means of the metaphor of weaving and the archetypes of shield and fabric.

Keywords: Hippodamus of Miletus; religious and philosophical meanings of the rectangular grid; fabric; network; lattice; shield in the urban semantics; Genius loci.

Гипподам Милетский: щит города и ткань истории / Hippodamus of Miletus: The shield of the city and the fabric of history

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет

Елена Багина

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Elena Bagina

Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

О жреце и архонте Гипподаме Милетском и его системе

Кто не слышал о гипподамовой системе? Улицы под прямым углом. Квадратики или прямоугольники кварталов. Так строили города в античности, в эпоху классицизма, да и теперь гипподамова система не забыта. Гениальный градостроитель, архитектор, инженер Гипподам Милетский... Казалось бы, все просто. Но и до него такая система существовала. Улицы, пересекающиеся под прямым углом, прокладывали в городах в разных странах и до V века до н. э., и позже. Так почему же такая градостроительная система называется гипподамовой в европейской культуре? Вероятно, дело не в строгой геометрии планировки, а в тех смыслах, которые ей придавали. И оказывается, придавали различные смыслы в разные эпохи.

Письменных источников о жизни и деятельности Гипподама сохранилось мало. Наиболее достоверными считают свидетельства Страбона, Демосфена и Аристотеля. Родился Гипподам около 498 г. до н. э. в Милете и прожил около 90 лет. Такая продолжительность жизни не была уникальной для Древней Греции. Известно, что философ Ксенофан прожил около 92 лет, Пифагор – 80 лет, Парменид – около 95 лет¹.

Известно, что после 446 года до н. э. Гипподам Милетский участвовал в разбивке улиц портового города Пирея и, вероятно, принимал участие в строительстве Длинных стен между Пиреем и Афинами. После 443 года он был послан Периклом в Италию для основания колонии Фурии (Турии). В 408 году на острове Родос он заложил город с одноименным названием. Возможно, в 411 году до н. э. Гипподам принимал участие в перепланировке Милета и колонии Милета Приены [1].

Проектов в современном понимании во времена Перикла при основании новых городов не было, как не было и архитекторов, инженеров, градостроителей – так, как мы понимаем смысл этих профессий сегодня. Хранителями и носителями знаний о мире были жрецы, практических умений – ремесленники. Философы принадлежали, как правило, к жреческому сословию. Понимание их трудов доступно было, как и во все вре-

мена, интеллектуальной элите, к которой, безусловно, принадлежал и Гипподам Милетский.

Закладка новых поселений в Античности была актом огромной значимости. Выбор места и разметка нового поселения сопровождалась огромным количеством ритуалов и жертвоприношений. Различные части города имели свою символику.

В Греции V века до н. э. будущие полисы разбивались прямо на земле с помощью плуга. Но сначала верховный жрец (архонт), у которого были также функции военачальника и законодателя, то есть царя, должен был обратиться к Дельфийскому оракулу и узнать, благосклонны ли боги к выбору места для будущего города. Если боги были благосклонны, выбранная территория опаживалась плугом. Там, где должны были стоять ворота, плуг поднимали. Землю, которая оказывалась за чертой города, аккуратно переносили вовнутрь. Потом архонт проводил ряд ритуалов, чтобы на выбранном месте поселить... нет, не людей – сначала богов-покровителей. Для этого нужно было каждому гражданину будущего города принести по горсти земли с могил своих предков и сыпать ее в одну яму, которую заранее вырывали. Считалось, что таким образом души предков поселятся на новом месте. Там, где была насыпана ритуальная земля, должен был возникнуть храм – очаг города. В этот храм не пускали чужих, и ритуалы там проводил архонт. В каждом полисе были особые ритуалы и молитвы. Учитывая, что у каждой семьи были свои обожествленные предки, на прямоугольном участке земли, выделенной семье, проводили ритуал переселения душ предков точно такой же, как и для города в целом. На месте, где зарывалась земля с могил предков семьи, возникал очаг – центр дома. Там же был и домашний алтарь. И если общегородские ритуалы проводил архонт, то в семейном доме это было привилегией главы семьи, который мог по своему усмотрению распоряжаться жизнью и судьбой домочадцев. Были ли все квадратики городского плана равны? И да, и нет. Рядом с храмовым местом селились наиболее уважаемые граждане, поближе к городским стенам – рядовые, у которых участки были меньше. И на больших, и на маленьких квадратах городской земли, отданной под строительство домов, располагались

1. См.: Почему древние греки доживали до древнего возраста? (<https://www.nkj.ru/archive/articles/10069/>)

^ Рис. 1. Творческая реконструкция щита Ахилла (прорисовка). А.-К. Катрмер-де-Кенси. 1815

^ Рис. 3. Одна из реконструкций урбанистических грез Платона. Город Посейдонис, столица Атлантиды

семейные алтари, и считалось, что там обитают домашние боги – лары. Именно от них члены семьи хотели получить поддержку, поэтому и молились в основном им, тем более что и общий городской очаг тоже был местом их обитания [2]. Считалось, что семейные боги граждан собираются вместе, когда проходят общегородские ритуалы. У равных граждан были относительно равные участки земли. Но как всегда и во все времена – есть равные, и есть равнее.

Как только меняются система власти и религиозно-философские взгляды – меняется и планировка города. Когда относительно равных граждан много, они владеют и примерно равными наделами городской земли. Равенство площади земельных наделов – фиксация общественных взаимоотношений в полисе. Форма наделов, близкая к идеальным квадратам, – отражение религиозно-философских представлений. Город мыслился как фрактальное подобие космоса.

Гипподам Милетский, именем которого названа, пожалуй, самая известная система планировки городов, таким образом, должен был иметь жреческое звание, чтобы участвовать в закладке новых поселений. В списке архонтов он есть: Гипподам был им один год – с 375 по 374 год до н. э. Дата, конечно странная. Тот ли Гипподам упомянут в этом списке, то ли архонтом в это время был человек, имевший такое же имя. Возможно, Гипподам родился значительно позднее, чем принято считать.

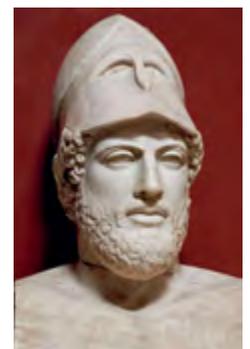
Поначалу архонты имели это звание пожизненно. Впоследствии правила 10 лет, затем – один год. Во времена, когда они выбирались сроком на один год, города были уже достаточно крупными, иногда с населением более пяти тысяч жителей. У архонта в это время были помощники, ибо управление городом было делом сложным и требовало разделения обязанностей. Скорее всего, Гипподам, когда он участвовал в закладке новых поселений, был помощником архонта, а потом на год мог стать уже верховным жрецом.

Принадлежность к жреческому сословию он должен был иметь в любом случае. Иначе ему не позволили бы участвовать в закладке новых городов. Итак, жрец Гипподам, возможно, один год бывший архонтом, уча-

ствует в закладке городов и пишет философское сочинение об устройстве города на 10 тысяч жителей. Григорий Ревзин назвал это сочинение Гипподама первой утопией. В чем же утопичность этого сочинения? Города-государства, имевшие 10 тысяч жителей в Античности существовали, а вот такого законодательства, какое предлагал Гипподам, конечно, не имели.

Политический проект Гипподама, согласно Аристотелю и в изложении Г. Ревзина, выглядит так: "Он проектировал государство с населением в десять тысяч граждан, разделенное на три части: первую образуют ремесленники, вторую – земледельцы, третью – защитники государства, владеющие оружием. Территория государства также делится на три части: священную, общественную и частную. Священная – та, с доходов которой должен отправляться установленный религиозный культ; общественная – та, с доходов которой должны получать средства к существованию защитники государства; третья находится в частном владении земледельцев. По его мысли, и законы существуют только троякого вида, поскольку судебные дела возникают по поводу троякого рода преступлений (оскорбление, повреждение, убийство). Он предполагал учредить одно верховное судилище, куда должны переноситься разбирательства по всем делам, решенным, по мнению тяжущихся, неправильно; в этом судилище должно состоять определенное число старцев, назначаемых путем избрания. <...>. Все должностные лица должны быть избираемы народом, т. е. теми тремя частями государства, о которых упомянуто ранее". За исключением фиксации на числе «три», ничего утопического в этом проекте не наблюдается, а в тех городах, которые мы так или иначе можем связывать с именем Гипподама, следов трехчастного деления нет» [3].

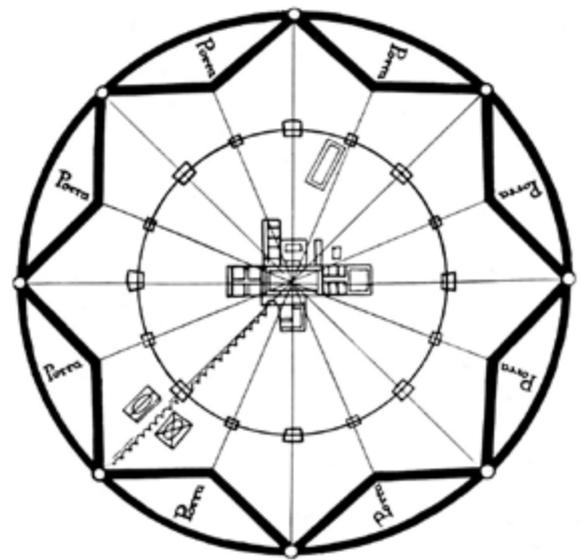
Итак, закладка города была магическим актом, и прямоугольная сетка квадратов имела сакральный смысл. Для рядового гражданина полиса основным, вероятно, было осознание того, что на квадрате городской земли, принадлежащей его семье, есть очаг-алтарь, где обитают домашние боги, и устройство семейного мира подобно устройству города и мира, в котором правят боги в целом. Фрактальность божественного и человеческого

^ Рис. 2. Бюст Перикла. Римская копия с греческого оригинала. Музей Пио-Кристиано, Ватикан. Гипподам принадлежал к кругу друзей и советников Перикла, что определяло содержание его идей, как планировочных, так и социально-утопических

^ Рис. 5. Пальманова – образцовый город-крепость, основанный правительством Венецианской республики в 1593 году. Архитектор Винченцо Скамоцци

^ Рис. 4. Антонио Аверлино (Филарете) (около 1400–1469). Проект идеального города Сфорцинда

го мироустройства гарантировала ощущение порядка и устойчивости.

Закономерны предположения, что Гиппократ Милетский был сторонником философии Пифагора: «Пифагорейство подходило для этого идеально, ведь простые числа, фигуры и отношения между ними мыслились в этой парадигме как начала мироздания, и их изучение было мало отличимо от поклонения им. <...> Заключение городской жизни в квадрат – это не планировочный прием. В парадигме пифагорейства это придание ей высшего смысла» [3].

Гипподамова система: переосмысление

В Средние века от гипподамовой системы планировки городов отказались. В городах, которые имели давнюю античную историю, городские кварталы, разбитые в соответствии с гипподамовой системой, стали к X–XII веку н. э. почти незаметны. Каркас улично-дорожной сети мог частично сохраняться, однако повсеместно не только менялась античная городская ткань, но и перестраивался каркас. Смена религии и характера власти определила и новый порядок планировки. Радиально-кольцевая система была более приспособлена к образу жизни и миропониманию, сложившемуся в Средневековье. Круг и квадрат – вечные антагонисты городской планировки, они борются друг с другом с переменным успехом.

Повсеместное возвращение к гипподамовой системе произошло уже в XVIII–XIX веках, но смысл четкой геометрической разбивки на правильные квадраты и прямоугольники был уже иным. Связь философии рационализма и способа планировки городов, конечно, не была прямой. Но образованная элита, принимающая решения о строительстве новых городов и реконструкции старых в XVIII–XIX веках была знакома как с античной философией, так и с трудами Рене Декарта, Готфрида Лейбница, Джона Локка и других. Но даже на повседневном уровне на формирование представления о порядке, основанном на математическом расчете и строгой геометрии, философия влияла. Уровни понимания философов были различны, но четкая геометрия новых кварталов городов говорила сама за себя. Однако религиозный мистический

смысл гипподамова система в XVIII–XIX веках потеряла – новоевропейский рационализм взял свое.

Геометрическая четкость и регулярность городского плана была связана также с представлениями об управляемости городского хозяйства. Недаром в России в 1782 году учреждена полицейская должность – кварталный надзиратель.

Градостроительство начала XX века имело иную философскую основу по сравнению с XIX веком. Идеи функционализма и города-сада определили во многом идеологию урбанизма XX века. Гипподамова система никуда не исчезла, ведь ее простота и рационализм были созвучны функционалистам. Однако она сочеталась уже со вставками широких зеленых полос, со свободной планировкой, связанной с идеей включения ландшафтных особенностей в городскую среду и пр. Если прямоугольная сетка и имела высший сакральный смысл в головах архитекторов-градостроителей, то населению городов этот смысл был уже совсем непонятен. А уже к середине XX века она начала терять и универсальную рациональность, став причиной серьезных транспортных проблем.

Однако гипподамова система осталась в истории и – в том или ином виде – остается в арсенале градостроительных средств и до наших времен. А раз так, не лишним будет реконструкция ее культурных значений и ситуативно-исторических смыслов, ведь они со всей очевидностью имели место. Да и категория места сегодня может получить в отношении этой древней планировочной системы новые смыслы.

Ткань и плетение

Огромный пласт смыслов, таящихся за гипподамовой сетью, может быть раскрыт посредством метафоры плетения. В самом деле, множество пересекающихся под прямым углом «нитей» есть не что иное, как архетип ткани. Ткань же с Древней Греции, если не раньше, – метафора континуума, непрерывной и протяженной материи. Ткань есть структура мироздания, а плетение – миропорождающее действие. Это онтологические константы Древнего мира, которые, наряду с техниками обработки глины и отливки меди, легли в основу ремесленно-деятельного мироощущения Античности, с Платона и Аристотеля.

^ Рис. 6. Городской план Милета. Около 400 года до н. э. Классическое применение гипподамовой системы при реконструкции города

^ Рис. 7. Планировка Пирея, осуществленная по системе Гипподама Милетского. 411–402 годы до н. э.

Они благополучно дожили до Нового времени, где были безжалостно изгнаны из пантеона порождающих техник, заменены на метафоры разума и знания – метафоры, как мы понимаем сегодня, обернувшиеся химерами *par excellence*. Однако заметим, и в новейшей архитектуре это не мешает образам ткани получать разнообразное отражение [4]: ткань конститутивна для образа мира.

У Платона в «Политике» встречаем впечатляющий образ так называемого царского плетения: рассматривая все имеющиеся в государстве ремесла, искусства, дискурсы и занятия, пренебрежительно именуемые Платоном поэзисами, идеальный правитель, согласно Платону, обязан не выдвигать собственный поэзис в ряду существующих, но поверх всех поэзисов должен выстраивать истинный и единственно возможный праксис, – соединяя многие «нити», плести ткань реальности государственного управления [5]. «Итак, вот что называем мы завершением государственной ткани: царское искусство прямым плетением соединяет нравы мужественных и благо-разумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей. Ткань эта обвивает всех остальных людей в государствах – свободных и рабов, держит их в своих узлах и правит и распоряжается государством, никогда не упуская из виду ничего, что может сделать его, насколько это подобает, счастливым» [5, с. 70]². Полис Греции – самостоятельное государство, управление им начинается с организации «тела» (ср. латинское *tela*, см. ниже), с планировки, с дела посвященных (Гипподам, напомним, входил в круг Перикла).

Даже в поздних рефлексивных реконструкциях творческого действия можно найти античный след. Так, В. Л. Глазычев, описывая метод социального проектирования, прибегает к метафоре челнока, сплетающего основу и уток, снующего туда-сюда между «нитями» смысла или содержания, соединяющего их в единстве рефлексивной интерпретации [6]. То же и в случае метода художественного проектирования, сплетающего своим «челноком» различные виды проектности, связывающего слово и изображение в единство представления [7].

Ткань Мира плетется в гетерогенных мирах, над ними и посредством их. Города – часть этой ткани или уже

цветастые лоскуты-заплаты, выделяющиеся на фоне ландшафтов, также отнюдь не наивных с точки зрения их искусственности и искусности артикуляции (особенно, если мы говорим о Греции и Италии). Возможно, это значительно более поздние смыслы, Гипподам Милетский вряд ли осмыслил свою систему в таких или подобных категориях, хотя о греках ничего нельзя сказать наверняка.

В статье, посвященной творчеству Джузеппе Терраньи, О. И. Адамов обращается к древнему образу, названному им «концептом решетки-telaio»: «...происходит метафорический перенос образа и способа действия, характерных для изготовления и функционирования «превеликого» ткацкого стана Пенелопы (*telaio*) и «плетения» ею судеб героев» [8].

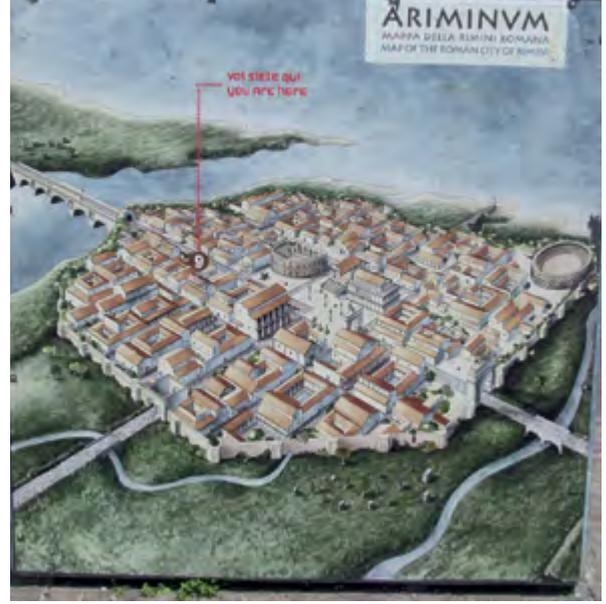
«Слово *telaio*, – пишет О. И. Адамов, – происходит от латинского – *tela* [из *texla*, от *texo*], что означает – «ткань» (в том числе «полотно», «холст»), «паутина», а также – «ткачество», «ткацкое искусство», «ткацкий станок» и «основу ткани». Помимо того, *tela* ассоциируется с «выдумкой», «замыслом», «планом»... Рассматривая множество значений, связанных с понятием *telaio*, обнаруживаем, что за всеми ними угадывается некая двусоставная пространственная конструкция... Примечательно, что такое ткачество также устойчиво связывается с выдумкой и сочинительством. Происходит своего рода метафорический перенос смысла с физического действия по поступательному плетению ткани – ряд-за-рядом – на действие, связанное с развитием повествования, рассказа или написанием текста. И обе эти осмысленные и последовательные активности требуют составления некоего плана действий, т. е. предполагают включение фантазии и сочинительство. Подобный перенос смысла с одного действия на другое может иметь древнее происхождение в средиземноморской истории и мифологии, где совершению событий сопутствуют пространственные построения» [8, с. 56–57].

Последнее суждение знаменательно: для греко-римской цивилизации характерны пространственно-событийные переносы, сплетающиеся в многослойное и многорядное целое; а метафора письма с неотъемлемым от него «опространствлением» (*esracement* у Ж. Деррида) – конститутивное значение, проявлен-

2. Так Платон завершает свой диалог «Политик». Значимо и то, что в диалоге Платона эту и все предыдущие идеи об идеальном правителе полиса (политике) высказывает некий Чужеземец – перед нами прием остранения, который станет классическим для жанра утопии.

^ Рис. 10. Фуллер Р. Б. Проект защиты Манхэттена геодезическим куполом. 1968

^ Рис. 11. Римский Ариминум, нынешний Римини. Билборд на Кардо (Corso D'Augusto). Фото П. Капустина. 2018

v Рис. 9. Декорированный умбон скутума 8-го легиона Августа (лат. Legio VIII Augusta). Первая половина II века н. э. Британский музей. Круг сделался квадратом (прямоугольником), но в нем самом вновь восходит центр

v Рис. 8. Римский щит скутум (лат. scutum). Примерно с начала IV века до н. э. стал использоваться римскими легионерами вместо круглого гоплитского щита

ное новоевропейской культурой и поименованное ее позднейшей рефлексией. Идеи порядка и единства также искони являются здесь ведущими.

Порядок и форма

Фундаментальное исследование европейской склонности к систематизации осуществил Умберто Эко в Vertigo [9]. В частности, он рассматривал вопрос о форме организации разнообразных перечней, столь любимых во все века западной истории. Начинает У. Эко со щита Ахилла, легендарного круглого элемента воинского снаряжения, изготовленного Гефестом (Вулканом) по просьбе матери Ахилла Фетиды для сына после утраты его оружия Патроклом в поединке с Гектором. Щит, согласно Гомеру, представлял собой картину мироздания с пупом земли в центре и всей географией, общественным укладом, мифологией et cetera Эллады, изображенными вокруг, на нескольких концентрических кольцах. «Щит Ахилла – это торжество Формы, пример того, как искусству удастся создавать гармоничные изображения, в которых оформлены порядок, иерархия и отношение «образ – фон» между представленными вещами», – пишет У. Эко, подчеркивая, что его суждение не эстетическое, оно определено эффективностью организации повествования [9, с. 12]. Однако, тут же замечает У. Эко, круг – формавершенная, она не предполагает развития.

Сегодня мы знаем: круговая форма станет чрезвычайно распространенной в урбанистических утопиях от Платона до Пальмановы, однако универсальность прямоугольной решетки остается вне конкуренции – ее реализации несравнимо больше по всему миру. Завершенными в себе города оставаться не желают, в них порядок требует какой-то иной формы организации. Вообще, статика и динамика – вечные антагонисты в архитектуре [10], что справедливо не только для визуальных форм, но скорее – для форм организации мышления и деятельности: не случайно самую известную, «классическую» реконструкцию щита Ахилла выполнил Антуан-Кризостом Катрмер-де-Кенси (1755–1849), основоположник архитектурной типологии, у которой, как известно, те же проблемы с открытостью к развитию.

Гипподам, живший и творивший почти через семь столетий после Троянской войны, подходящую форму предложил.

Затем прямую, тоже по линейке, Я проведу, чтоб круг квадратом сделался. Здесь, в центре, будет рынок. К рынку улицы Пойдут прямые. Так лучи расходятся, Сверкая, от звезды. Звезда округлая, Лучи прямые – так иронизировал над Гипподамом, выведенным под именем Метон, Аристофан в «Птицах», не подозревая,

^ Рис. 12. Современный Римини, Италия. Центр города – пересечение древних Кардо и Декуманус Максимус. Фото П. Капустина. 2018

что описал все основные планировочные приемы градостроительства на века вперед [11].

«Круг квадратом сделался...» Несомненно, система Гипподама – вариант решения задачи на квадратуру круга, плод рефлексии разнообразных «упаковок» и способов упорядочивания, но ведущим и наиболее практичным принципом для него стала универсальная уместность, довольно просто выполняемая «привязка» к участку любой геометрии с более или менее спокойным рельефом. Сетка может расти в любом направлении, может и сокращаться безболезненно, без утраты целостности. Заметим также отсутствие идеи контроля, которая хорошо обеспечивается центрально-осевыми планировками (ср. Паноптикон И. Бенгата), – идеи, которая овладеет европейской цивилизацией позже. Равные кварталы Гипподама – клеточки городских свобод, детище века Перикла.

Многие исследователи не раз отмечали удивительную емкость поквартальной застройки: при нейтральности «нарезки» она создает условия разнообразия в наполнении своих клеточек. Кварталы Санкт-Петербурга, Барселоны или Нью-Йорка обладают потрясающей информационной емкостью, пресловутой «избыточностью», способностью соединять противоречивое; демонстрируют повествовательность, намного превосходящую повествование щита Ахилла.

Крест и центр

Сколь бы ни был проблемным вопрос об авторстве прямоугольной сетки в городской планировке, сегодня он закреплен, как гвоздиком, именем Гипподама Милетского. В конце концов, надо же как-то маркировать столь значимое достижение рациональной мысли, а кто, кроме Гипподама, столь ярко и персоналистично заметен на этом поле?

Достижением Гипподама (действительным или приписываемым ему) является не столько сетка пересекающихся под прямым углом улиц, сколько философское и идеологическое прочтение такой сетки. Равные друг другу кварталы были для Гипподама целью и ценностью, а улицы лишь способ их «нарезки» и средство доступа. Римляне остались холодны к демократической и утопи-

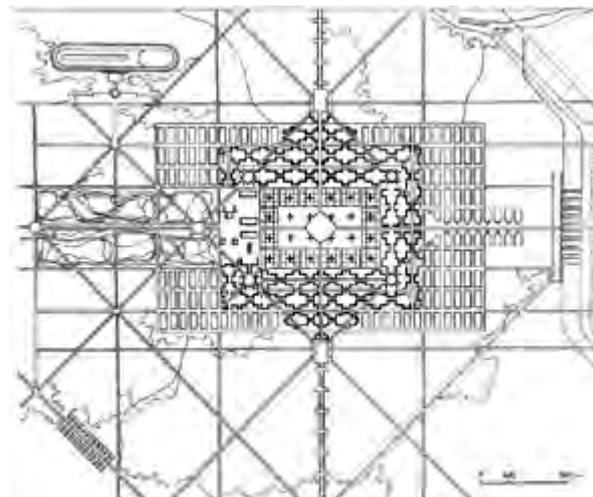
ческой идее кварталов и равных возможностей; «вывернув» схему наизнанку (ведь «отношение "образ – фон" между представленными вещами» подвержено инверсии, даже провоцирует ее), они выявили основное, что присуще всякой прямоугольной сетке, – крестообразный рисунок улиц. Кардо и Декуманус лежат отныне в сердцевине сетки, делая ее не монотонной, но центрированной: у нее появляются две оси и появляется центр – пересечение основных осевых улиц. Доныне живую пульсацию этой схемы – а она всегда индивидуальна в своих конкретных воплощениях – можно наглядно видеть, например, в нынешнем Римини (римский *Agimimum*).

Пересечение Кардо и Декуманус Максимус образует городской центр. Римские военные лагеря, очевидно, мало ориентировались на то, что сегодня принято именовать общественным пространством города. Легионерам было нужно не столь уж много, а все необходимое входило в довольствие. Ведь городской центр сегодня – концентрация излишеств, того, что Кр. Александер называл избыточностью, характерной, даже конститутивной для исторических городов. Но римские поселения «на местах» еще не были избалованы избыточностью, они лишь закладывали под нее инфраструктуру, они сами творили грядущую историю. Мало заботились они и о категории (тем более о метафоре) городской среды. Но вот вопрос: как смотрели их создатели на категорию места? Можно вполне уверенно сказать: смотрели инженерными глазами, в нынешней терминологии – искусственно-технически. В отличие от греков, входивших в транс для диалога с духом места, римляне, кажется, назначали духов себе на службу – волевым и искусственным способом.

Крест, образуемый пересечением Кардо и Декуманус (*Decumanus Maximus*, ибо поперечных улиц (в ориентации запад – восток) может быть несколько) не стоит сильно символизировать. В дохристианскую эпоху крест означал вовсе не распятие или духовные ценности, но... совокупление, соитие разнонаправленного, рождающее новое. Крест был функционален, но это не значит прост. Таков городской центр, рожденный слиянием двух ортогональных векторов: на нем, на проходящей сквозь него вертикальной оси (т. е. оси «Земля – Небо», и это – далеко ведущая новация не столько в планиров-

^ Рис. 13. Genius loci до римлян был акцентирован местным духом, «прописанным» к ручьям и источникам, колодцам и пресловутым «мокрым камням»

^ Рис. 14. Ле Корбюзье. Генплан города на 3 млн жителей. 1922. Структуру римского щита скутума можно увидеть в плане без особых усилий

ке, сколько в трансцендентальном ландшафте городов) отныне «вертится» город, «наматывая» на себе непредусмотренные смыслы и непредустановленную гармонию, генерируя условия зарождения феномена среды.

Римский щит скутум (лат. scutum) вытесняет круглые щиты ранней эпохи; на его внутренней (утилитарной) стороне появляется прямоугольная структура, созданная, как и римский город-лагерь, из креста основных линий и усиления по периметру (что создает соблазн интерпретировать структуру обращенной к воину стороны щита как специфическую схему – карту лагеря, на которой центурионы легко могли бы отмечать место базирования каждого легионера, тем более что изображенные кварталы имели четкую символическую привязку). Центр же более чем выделен: изнутри за него следует держаться в прямом смысле, извне – это... металлическое полушарие, так называемый умбон. Вполне возможно, что градозащитная семантика берет свое начало от таких «простых» азов щитовой геометрии, и как тут не вспомнить купол Р. Б. Фуллера над гипподамовой решеткой Манхэттена.

Но и щит Ахилла проявляется в римской интерпретации инертной гипподамовой решетки – он приводит ее в некоторое подобие движения. Гипподам вряд ли предполагал такие эффекты, по природе своей иррациональные. Но крест, будучи выстроен, не способен оставаться пустой геометрической формой.

Место и дух

И все же еще раз о Genius loci, о возможности его присутствия в инертной и вроде бы равнодушной планировочной решетке. Дух оказывается пойманным сетью, заключенным за решетку, или же подобные метафоры неуместны? Быть может, решетка, задающая ориентацию в пространстве и ландшафте, организует окружающий космический хаос, а точка отсчета утверждаемого ею порядка, становится местом?

«Космос» по-гречески – праздничная прическа. Он упорядочен и ориентирован, он уже победил в себе хаос³. Проекция космического порядка на поверхность земли есть явления логоса, перед которым отступают всяческие «дороги ослов». Ле Корбюзье, как известно,

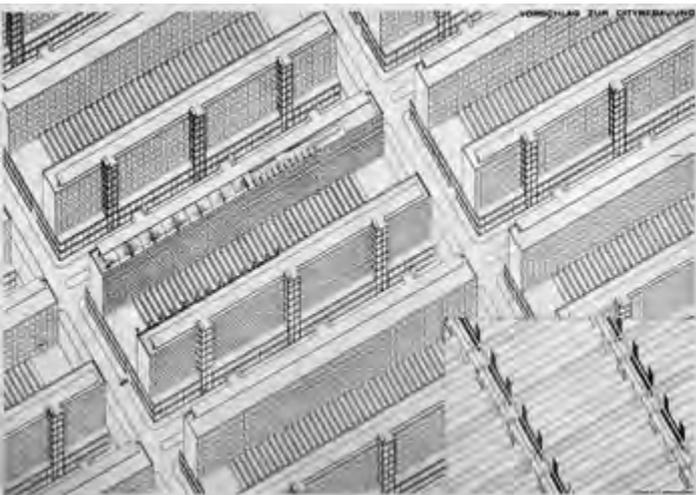
активно пользовался гипподамовой системой (но не ради лошадей, не ради людей, о которых он постоянно говорил и писал, а исключительно для торжества автомобилей), добавляя в нее свои новации. И не только он один: прямоугольный порядок был излюблен модернистами, а во что он может превратиться, наглядно показал уже Людвиг Гильберсаймер в своем «Городе высоких домов» (Hochhausstadt) 1924 года. И таким именно урбанистическим опусам мы справедливо отказываем в наличии Genius loci (хотя, возможно, какой-то извращенный и сильно травмированный дух или демон там и может обретаться). Все же, Genius loci по природе своей локален, он бежит открытых пространств и равномерно распределенных функций, да и Гипподам, очевидно, заботился вовсе не об этой пугливой змейке. Однако феномен глобального неотменен [12], жизнь всюду восстанавливает свои права, а плющ обвивает любые горделивые опусы рационализма.

Емкая на разнообразие своего наполнения гипподамова сеть в общем виде не запрещает появление индивидуальности, узнаваемости, формирование места. Скорее, она создает необходимые инфраструктурные условия, погасить которые способна лишь монотонная типовая застройка, до сих пор отчего-то видимая в качестве обязательной некоторыми при созерцании регулярного плана. Дух места, если и живет в городах (этимология славянского слова «место» играет здесь с нами злую шутку), то под видом фланера (или уж хипстера), разгуливающего по центральным улицам и улочкам, заглядывающего в парки и скверы, отдыхает по традиции у фонтанов и колодцев [13–15]. Всякая схема, сказали мы выше, индивидуальна в своих конкретных воплощениях: ни прямые, ни кривые улицы не способны ни запретить возникновение феномена среды, ни автоматически обеспечить его.

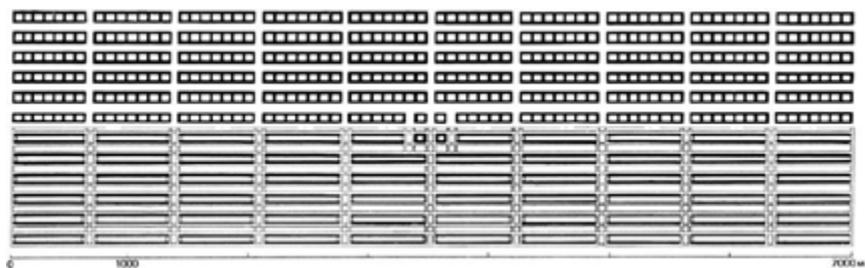
Утопия и технэ

Гипподам не был первым градостроителем ровно по той же причине, по которой Имхотеп не был первым архитектором: устойчивое занятие, фиксированное собственным именем (наименованием) еще не существовало, тем более не существовало профессии со всеми ее

4. Аристотель в «Политике» так характеризует Гипподама: «Движимый честолюбием, склонен был к чрезмерной эксцентricности, так что, как некоторым казалось, он был очень занят своей густой шевелюрой и драгоценными украшениями, а также... желал показать себя ученым знатоком всей природы вещей» [17, с. 423]. О выдающейся прическе Гипподама упоминают и другие античные авторы.

^ v Рис. 15, 16. Людвиг Гильберсаймер. Город высоких домов (Hochhausstadt). 1924

институтами. И это обстоятельство роднит Гипподама с еще одним родоначальником устойчивого занятия с «лошадиной фамилией» – отцом медицины Гиппократом. Но их обоих все же опережает легендарный Имхотеп, соединяя в себе два этих занятия, а также и иные. Однако эти обстоятельства не мешают нам возводить историю к хрестоматийно-героическим фигурам – без них история не полна.

Не будучи зациклен на доблестях и нормах какого-то одного профессионального мира, жрец Гипподам мог позволить себе широту мышления; его не напрасно называют философом. Предложенный им идеальный город на десять тысяч человек предполагал как подобие функционального зонирования, так и социальную стратификацию, причем эти две разноприродные системы коррелировали между собой (а это и в наши времена составляет проблему городского управления). Гипподам предлагает для своего города своеобразную социальную инженерию – выражение сегодня незаслуженно приобрело коннотацию манипуляции и мошенничества (и как тут не вспомнить характеристику Метона в аристотелевых «Птицах»: «Ступай-ка ты отсюда по-хорошему... Единодушное здесь принято решение – бить мошенников» [11] – такие обвинения и последующее за ними изгнание преследовали и более поздних урбанистических фантазеров). Однако не стоит забывать, что термин *utopian social engineering* введен К. Р. Поппером для характеристики социально-политических идей Платона.

Философская традиция начинает историю утопического мышления с диалогов Платона («Политик», «Государство», «Законы»). Но Платон, хоть и был борцом и воином, оставался писателем, в лучшем случае – политическим консультантом (в Сиракузах, впрочем без успеха, со все тем же в итоге эпитетом «мошенник» и политическим преследованием). Гипподам же был человеком технэ (греч. τέχνη) – искусства, техники, персонального умения. Для Гипподама город предстает техно-магическим делом, деятельностным «проектом»⁴, но не текстом. Текст и утопия появляются позже – в рефлексивном осмыслении опыта, сплетающем нити мышления, деятельности, жизни в единство знания (ведь латинское *textus* означает «связь», «соединение», «ткань»). Чем-то этот дуэт

напоминает другую пару – опытного практика Аристотеля Фьораванти и теоретика, писателя *par excellence* Антонио Аверлино (Филарете), хотя там иная возрастная ситуация.

Молодой Платон мог быть знакомым с Гипподамом, многие идеи идеального полиса, несомненно, почерпнул у него. Но Платон вернулся к щиту Ахилла – таков его идеальный полис (в другой версии – столица Атлантиды), хрестоматийный город концентрических островов. Утилитарная сетка улиц видимо, не могла удовлетворить Платона с символических и мистериальных позиций (по аналогичным экстатическим соображениям к круглым и звездобразным планам часто прибегали и поздние мистагоги утопического урбанизма).

Все же за Платоном можно сохранить первенство в жанре литературной социально-политической утопии, получившей развитие в Ренессансе и в Новое время, вплоть до У. Морриса, и даже до антиутопий и дистопий XX века. Об этих текстах и о попытках реализации их идей написаны уже целые библиотеки критической *par excellence* литературы. Но за фигурой Гиппократа, увы, стоит нечто гораздо более опасное и тревожащее, по крайней мере тревожащее актуальную архитектурно-урбанистическую теоретическую мысль, но до сих пор не получившее должной оценки, – не в продуктах своих (таких, как проекты и реализации модернистских урбанистических идей), но в концептах, в исходных постулатах, требующих для полноценного анализа чего-то вроде «археологии знания» (проекта, выдвинутого Мишелем Фуко [16]), плюс в данном случае «археологии» метода, изобразительных средств, даже вкуса, или моды на вполне определенную морфологию городских пространств. Архитектурную и урбанистическую мысль такие исследования все еще ожидают где-то «за горизонтом» нынешней популярной тематики научных исследований.

Насколько виновен во всей неоднозначной истории нововременной и модернистской утилизации античных рационалистических идей сам Гиппократ Милетский, – вопрос, все еще требующий критических, но строгих историко-теоретических исследований. Оставим это вопрос для грядущих исследователей.

4. «Нужно представить себе процесс проектирования античного города, – пишет Г. Ревзин, – то, что, собственно, делал Гипподам. Проекта в современном смысле не было, возможно, были какие-то схемы, но переносить чертеж на землю в масштабе никто не умел. Границы города, линии улиц, жилые кварталы, места храмов и общественных сооружений обозначались прямо на земле, рвами. Рисование будущего города на земле в предшествующей традиции было магическим действием – мы хорошо знаем это по хрестоматийному описанию основания Рима (753 г. до н. э.) у Плутарха» [3].

< Рис. 17. М. Б. Атаянц и др. Горки-город. Кварталы в прямоугольной сетке улиц в сегодняшнем воплощении вполне могут быть уютными и сомасштабными человеку

Литература

1. Гипподам Милетский. – URL: <https://ru.wikipedia> (дата обращения: 10.06.2023).
2. Фюстель де Куланж, Н. Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. – URL: https://historylib.org/historybooks/Fyustel-de-Kulanzh_Drevniy-gorod--Religiya--zakony--instituty-Gretsii-i-Rima/38 (дата обращения: 15.06.2023).
3. Ревзин, Г. Как сетка квадратов стала первой утопией. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5381662> (дата обращения: 10.06.2023).
4. Есаулов, Г. В. Образы ткани и орнамента в новейшей архитектуре // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. – 2016. – № 5 (365). – С. 165–171.
5. Платон. Политик // Платон. Законы / Общ. ред. А. Ф. Лосева, А. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – Москва : Мысль, 1999. – С. 3–70.
6. Глазычев, В. Л. Язык и метод социального проектирования // Социальное проектирование в сфере культуры: методологические проблемы. – Москва : Изд-во НИИ культуры, 1986. – С. 115–128.
7. Глазычев, В. Л. Язык и метод художественного проектирования // Декоративное искусство СССР. – 1973. – № 11. – С. 23–25.
8. Адамов, О. И. Истоки и развитие концепта решетки-telaio в архитектуре Джузеппе Терраньи // Архитектура и строительство России. – 2019. – № 3. – С. 56–60.
9. Эко, У. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов. – Москва : Слово, 2009. – 408 с.
10. Капустин, П. В. Недвижимость и движение в архитектуре // Проект Байкал. – 2022. – № 1 (71). – С. 32–39. – DOI: 10.51461/projectbaikal.71.1939
11. Аристофан. Птицы. – URL: <https://libking.ru/books/antique-/antique-ant/211137-aristofan-ptitsy.html> (дата обращения: 30.06.2023).
12. Капустин, П. Парадоксы и перспективы глокального // Проект Байкал. – 2021. – № 3 (69). – С. 32–37. – DOI: 10.51461/projectbaikal.69.1842
13. Капустин, П. Фонтан как «первая вещь» городской генетики // Проект Байкал. – 2021. – № 4 (70). – С. 126–133. – DOI: 10.51461/projectbaikal.70.1901
14. Багина, Е. Колодец – кладезь – клад // Проект Байкал. – 2021. – № 4 (70). – С. 134–139. – DOI: 10.51461/projectbaikal.70.1902
15. Капустин, П. Колодец: глубокое vs очевидное // Проект Байкал. – 2022. – № 1 (71). – С. 190–197. – DOI: 10.51461/projectbaikal.71.1964
16. Фуко, М. Археология знания. – Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная академия», 2012. – 416 с.
17. Аристотель. Политика // Аристотель : Соч. в 4 т. – Москва : Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 375–644.

References

- Adamov, O. I. (2019). The origins and development of the concept frame-telaio in architecture of Giuseppe Terragni. *Architecture and Construction of Russia*, 3, 56-60.
- Aristophanes. (1983). *Ptitsy [Birds]*. LibKing. Retrieved June 30, 2023, from <https://libking.ru/books/antique-/antique-ant/211137-aristofan-ptitsy.html> (date of reference: 30.06.2023).
- Aristotle. (1984). *Politika [Politics]*. In *The works of Aristotle in 4 vols* (Vol. 4, pp. 375-644). Moscow: Mysl.
- Bagina, E. (2021). A well – a wellspring – a jewel. *Project Baikal* 18(70), 134-139. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1902>
- de Coulanges, N. D. F. (n.d.). *Drevnii gorod. Religiya, zakony, instituty Gretsii i Rima [The Ancient City. Religion, laws, institutions of Greece and Rome]*. History Library. Retrieved June 15, 2023, from https://historylib.org/historybooks/Fyustel-de-Kulanzh_Drevniy-gorod--Religiya--zakony--instituty-Gretsii-i-Rima/38
- Eco, U. (2009). *Vertigo: Krugovorot obrazov, ponyatii, predmetov [Vertigo: The circulation of images, concepts, objects]*. Moscow: Slovo.
- Esaulov, G. V. (2016). The images of fabric and ornamentation in modern architecture. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Tekhnologiya tekstil'noi promyshlennosti*, 5(365), 165-171.
- Foucault, M. (2012). *The archaeology of knowledge*. St. Petersburg: IC Humanitarian Academy.
- Glazychev, V. L. (1973). *Yazyk i metod khudozhestvennogo proektirovaniya [Language and Method of Artistic Design]*. *Decorative Art of the USSR*, 11, 23-25.
- Glazychev, V. L. (1986). *Yazyk i mesotsialnogo proektirovaniya [Language and Method of Social Projection]*. In *Social Projection in the Sphere of Culture: Methodological Problems* (pp. 115-128). Moscow: Research Institute of Culture Publishing House.
- Hippodamus of Miletus (2024, April 20). In *Wikipedia*. https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Hippodamus_of_Miletus&action=history
- Kapustin, P. (2021a). A fountain as the “first thing” of the urban genetics. *Project Baikal*, 18(70), 126-133. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1901>
- Kapustin, P. (2021b). Paradoxes and prospects of the glocal. *Project Baikal*, 18(69), 32-37. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1842>
- Kapustin, P. (2022a). Immobility and mobility in architecture. *Project Baikal*, 19(71), 32-39. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1939>
- Kapustin, P. (2022b). The well: the deep vs the obvious. *Project Baikal*, 19(71), 190-197. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1964>
- Plato. (1999). *Politik [Politician]*. In A. F. Losev, A. F. Asmus, A. A. Takho-Godi (Eds.), *Plato. Laws* (pp. 3-70). Moscow: Mysl.
- Revzin, G. (2022, June 10). *Kak setka kvadratov stala pervoi utopiei [How the grid of squares became the first utopia]*. *Kommersant*. Retrieved June 10, 2023, from <https://www.kommersant.ru/doc/5381662>